

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-165-182

© А. Ю. Веселова, © М. П. Милютин

МЕМУАРЫ А. Т. БОЛОТОВА: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ

Мемуары А. Т. Болотова создавались на протяжении более 50 лет и включают в себя около 50 отдельных, зачастую дублирующихся, рукописей.¹ Целью настоящей статьи является определение места отдельных рукописей в комплексе болотовских воспоминаний, что можно сделать путем реконструкции и изучения истории их создания.²

От всего корпуса мемуарных текстов по ряду признаков принципиально отличается рукопись, хранящаяся в ОПИ ГИМ (Ч. 2. Ф. 349. Ед. хр. 2),³ которая ранее почти не привлекала внимания исследователей. В XIX веке она вошла в состав собрания Н. С. Киселева и описывалась владельцем следующим образом: «2) *Приключения А. Б. с 1752–1758* (частью в письмах, частью в связном рассказе; содержание этого тома есть сокращение частей II–V «Записок», за исключением 1751 г., которого у меня вовсе нет)».⁴ На наш взгляд, данная Киселевым характеристика рукописи как сокращения мемуаров не верна. Такое сокращение было бы практически уникальным в рукописном наследии Болотова. Для мемуаров же наблюдается противоположная тенденция. Болотов неоднократно высказывал сожаления о том, что его воспоминания слишком краткие,⁵ и на позднем этапе работы предпринимал попытки их дополнения.⁶

Заголовок рассматриваемой рукописи содержит хронологическую неточность, так как ее текст заканчивается описанием осени 1757 года. Вероятно, план довести изложение до событий 1758 года изменился в ходе работы, так как рукопись получилась объемной (264 листа, больше любых иных частей мемуаров). Если предположить, что «*Приключения*» составлялись как сокращение уже написанных воспоминаний, то Болотов, скорее всего, оставил бы в тексте пометы об окончании и начале соответствующих частей, но их нет. С другой стороны, эта рукопись сама является частью более обширного сочинения, первая часть которого до нас не дошла. Без какого-либо вступления Болотов начинает с описания событий лета 1752 года: «Не успел я получить известие о кончине моей матери...» (Ч. 2. ОПИ ГИМ. Ф. 349. Ед. хр. 2. Л. 8; л. 2 об. — 7 об. пустые). Завершается текст формализованным финалом, предполагающим продолжение: «Сим заблагоразумно кончить сию вторую часть описания моей жизни. В третьей сообщу вам то, что со мною далее случилось. А между тем остаюсь

¹ Всего дублируется 16, т. е. около половины сохранившихся частей мемуаров. Ни одна часть не имеет более одной копии.

² Настоящая статья является продолжением: *Веселова А. Ю., Милютин М. П.* О составе корпуса мемуаров А. Т. Болотова // *Русская литература. 2020.* № 1. С. 65–75. В связи со значительным объемом рукописного материала, авторы данной статьи не ставили перед собой цель охарактеризовать каждую рукопись мемуаров и ограничиваются примерами, важными для общих выводов об истории их создания.

³ Здесь и далее ссылки на рукописи мемуаров приводятся в тексте с указанием номера части, места хранения, единицы хранения и листа. Полное их описание см.: *Веселова А. Ю., Милютин М. П.* О составе корпуса мемуаров А. Т. Болотова. Табл. 1–4.

⁴ Опись см.: *Болотов М. П.* Андрей Тимофеевич Болотов: жизнь его с 1796 по 1833 г. // *Русская старина. 1873.* Т. 8. Ноябрь. С. 748.

⁵ См., например, в дневниковых записях 1802 года (*Болотов А. Т.* 65-й год моей жизни // *ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 11. Л. 2–3 об.*).

⁶ Такой характер имеют две незаконченные рукописи: развернутое примечание к первому письму воспоминаний (*Болотов А. Т.* Некоторые замечания и дополнения к истории моей жизни (1827 год, 12 л.) // *ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 26*) и уточненный вариант истории предков Болотова, который отнюдь не выглядит «сокращенным» по сравнению с соответствующим фрагментом мемуаров (*Болотов А. Т.* Краткое описание моей жизни, состоящее в сокращенных записках всего того, что со мною во все годы продолжения моей жизни достопамятного или несколько особливового происходило (1810–1820-е годы, 8 л.) // *ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 27*).

ваш и прочее» (Там же. Л. 264). Но никаких сведений об этой «третьей части» мы не имеем, по-видимому, она не была написана.

Эта ситуация соответствует указаниям Болотова на существование раннего варианта мемуаров. Сообщая о начале работы над *итоговым вариантом* в январе 1789 года, он пишет: «Дело сие начато было у меня уже очень давно, но все прерывалось <...> У меня написано было уже два тома <...>, но как первая часть оной во время пожара у меня сгорела, а вторая часть была уже переплетена, то вздумалось мне написать опять вновь и первую, а буде можно — то и всю жизнь...».⁷ Таким образом, можно говорить о первом, *раннем богородицком* этапе написания мемуаров, который начался до мая 1782 года, когда в Богородицке, где Болотов с 1773 по 1797 год служил управляющим императорской волости, был упомянутый им пожар (III, 1034–1050). На этом этапе были написаны две части, равные по охваченному временному периоду пяти итоговым. Первая из них была утрачена в 1782 году, а второй, очевидно, и является сохранившаяся рукопись «Приключений». По-видимому, о работе над ней Болотов упоминает при описании событий декабря 1787 года: «...получил я охоту описать всю мою жизнь, наипаче начать продолжать давно уже учиненное тому начало...» (IV, 198).

Этот вывод можно подкрепить рядом наблюдений. Если итоговый вариант болотовских мемуаров разделен на последовательно пронумерованные письма, то в «Приключениях» деление на письма начинается только с л. 181, и они не нумерованы. Видимо, идея эпистолярной стилизации воспоминаний появилась у Болотова в процессе создания этой рукописи. Название «Приключения Андрея Болотова», на наш взгляд, свидетельствует о том, что Болотов лишь со временем пришел к пониманию ценности описания частной жизни. Первоначально он старался делать акцент на событиях («приключениях»), свидетелем и участником которых он был, особенно исторических. Не случайно половина всего текста (с л. 132) посвящена описанию апраксинского похода 1757 года, а значительную его часть (л. 181–233) — описанию Гросс-Егерсдорфского сражения. Практически весь текст «Приключений» был перенесен в итоговый вариант, но неравномерно. Например, в письмах, содержащих описание битвы при Гросс-Егерсдорфе, дополнений почти нет. В других случаях текст, перенесенный из «Приключений», занимает лишь малую часть. Следовательно, Болотов создавал итоговый вариант, используя раннюю версию мемуаров, но не путем механического переписывания. Помимо существенных по объему новых фрагментов текста, он вносил различные фактические уточнения (имен, названий, времени действия и т. д.), стилистическую правку, а также небольшие вставки, усиливающие эмоциональное воздействие на читателя. Представить себе обратное соотношение этих текстов, т. е. от более полного к краткому, на наш взгляд, невозможно.

Рукопись «Приключений» содержит исправления: зачеркивания, вставки на полях и над строкой. Они относятся ко времени создания текста, так как не коррелируют с дополнениями, внесенными в итоговый вариант воспоминаний.⁸ Но Болотов, очевидно, не рассматривал эту рукопись как черновик,⁹ в чем убеждает и ее оформление: она написана четким почерком, исправления не мешают чтению текста. В рукопись

⁷ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. СПб., 1873. Т. 4. Стлб. 506–507. Далее ссылки на это издание под редакцией М. И. Семевского, до сих пор являющееся наиболее полной публикацией, выполненной с комплекта рукописей, хранящихся в РНБ (Ф. 89. Ед. хр. 1–5, 7–29), приводятся в тексте с указанием номера тома и столбца.

⁸ Примеры правки текста в этой рукописи и подробное сопоставление ее с итоговым вариантом болотовских мемуаров см.: Абрамова А. А. Ранняя редакция мемуаров А. Т. Болотова из собрания Отдела письменных источников ГИМ // Слово.ру. Балтийский акцент. 2020. № 2. С. 114–122. Автор статьи приходит к выводам, аналогичным предложенным в данной статье. Мы также выражаем благодарность А. А. Абрамовой за участие в работе над рукописями мемуаров в ОПИ ГИМ.

⁹ Очевидно, что для Болотова понятие «черновик» не отличалось от общепринятого: «черновик» — это предварительная версия текста, отражающая процесс работы над ним и рассматриваемая автором как рабочий вариант. Текст, который создается как завершённый, итоговый, но впоследствии использованный в более поздних сочинениях, «черновиком» не является.

вклеена закладка-ляссе, корешок у нее кожаный, с тиснением. По внешнему виду и характеру правки рукопись «Приключений» похожа на оригиналы итогового варианта воспоминаний.

Судя по названию, ранний вариант не был прямо адресован потомкам автора: к началу 1780-х годов дети Болотова были еще малы. Представляется, что импульсом для начала работы над мемуарами в данном случае была свойственная Болотову рефлексия, наиболее очевидным поводом для всплеска которой было достижение 40-летнего возраста в 1778 году. Он вообще придавал очень большое значение круглым датам и прочим рубежам своей жизни.¹⁰ Таким образом, ранний богородицкий этап написания воспоминаний продолжался около 10 лет, работа над мемуарами у Болотова шла с большими перерывами и, по-видимому, к концу 1780-х годов перестала удовлетворять автора.

Начало нового, *основного богородицкого* этапа имеет точную датировку: 24 января 1789 года Болотов заново приступил к написанию мемуаров, текст которых и стал их итоговым вариантом (IV, 506–507). Продолжался этот этап до 1792 года, и за это время были написаны части с 1-й по 6-ю и два с половиной письма 7-й. Из них сохранились 1-я и 6–7-я части, являвшиеся в XIX веке частью киселевского собрания, а ныне хранящиеся в ОПИ ГИМ, и 5-я, находящаяся в РНБ.¹¹ Все эти части обычно рассматривались как черновики.¹² В них есть небольшая правка (обычно зачеркивание, замена отдельных слов и надстрочные вставки), но, как и более ранняя рукопись «Приключений», это были не черновые материалы для дальнейшей работы, а, как сообщается в «Предупреждении» к 1-й части, «прямо набело писаное сочинение» (Ч. 1. ОПИ ГИМ. Ф. 349. Ед. хр. 1. Л. 5). Такая формулировка характеризует и интенсивность работы Болотова: с этого момента он писал мемуары быстро. Хотя график его работы может быть точно установлен только для более позднего периода, когда Болотов жил в Дворянинове, вряд ли в Богородицке он был принципиально иным. Его письменная работа имела преимущественно сезонный характер (с ноября по февраль, реже с октября по март), перерывы в работе над мемуарами внутри одного сезона были редки и, как правило, связаны с отвлечением на другие писательские проекты. Приступив к написанию новой части, Болотов работал ежедневно, сразу оформляя беловой вариант с минимальной авторской правкой.

Существенное значение в это время имела служебная занятость Болотова, из-за которой основной объем работы над первыми частями мемуаров пришелся уже на зиму 1789–1790 годов. В приведенном в мемуарах письме сыну Павлу от 10 декабря 1789 года Болотов пишет: «Третьего дня окончил я и третью часть истории моей жизни, и она получила также в 13 дней свое существование» (IV, 696). Следовательно, 2-я и 3-я части были написаны в начале этого писательского сезона, к которому, по-видимому, относятся также 4-я и 5-я части. Судя по тому, что на оригинале 5-й части нет отметок о времени ее написания, недатированными были и 2–4-я части, т. е. ситуация была аналогичной «Приключениям», 2-я часть которых не датирована. На 6-й части, однако, содержится помета о ее написании осенью 1790 года.¹³ Таким образом, 6-я часть была написана уже в начале следующего сезона 1790–1791 годов, с чем, по-видимому, и было связано появление пометы о времени ее создания. Обращает также на себя внимание продолжительность работы над ней — более месяца, т. е. в три раза больше, чем у 2-й и 3-й частей, которые в значительной степени опирались на текст «Приключений».

К написанию 7-й части Болотов приступил только в ноябре 1792 года, однако хронологические рамки создания этой части оказались самыми широкими за все время работы над мемуарами: завершена она была лишь в 1800 году. Тогда Болотов еще не датировал отдельные письма, и на оригинале 7-й части нет иных помет, кроме

¹⁰ Подробнее см.: [Веселова А. Ю.]. Дни рождения А. Т. Болотова // Von Wenigen = От немногих. СПб., 2008. С. 92–124.

¹¹ Об истории этой рукописи (РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 6) после раздела архива Болотова в XIX веке у нас нет информации.

¹² Рукопись оригинала 5-й части и в описи обозначена как «черновой автограф».

¹³ Пометы о времени написания этих частей сведены ниже в Таблице 1.

указания на общую продолжительность написания рукописи. Однако на сделанной в 1801 году ее копии такие пометы есть: в конце 75-го письма стоит «Декабря 10, 1797 года» (I, 912). Таким образом, осенью 1792 года Болотов написал первые два (73-е и 74-е) письма этой части, а также зачеркнутый впоследствии текст начала 75-го письма (Ч. 7. ОПИ ГИМ. Ф. 349. Ед. хр. 4. Л. 45 об. — 46). Завершено это письмо было уже после возвращения Болотова в Дворяниново в 1797 году.

Этот перерыв в пять лет стал самым долгим за все время создания мемуаров. Чтобы попытаться выяснить его причины, необходимо рассмотреть мотивы, которыми руководствовался Болотов, заново приступая к работе над воспоминаниями. Наступившее осенью 1788 года 50-летие должно было восприниматься Болотовым как важнейший жизненный рубеж, так как никто из его ближайших предков и родственников (дед, отец, мать, сестры) не дожил до этого возраста. Его явно посещали мысли о возможности скорого завершения отпущенного ему жизненного срока: в 1792 году, во время поездки в Дворяниново, он определил себе место для погребения и обсуждал с сыном идею установки посмертного монумента в дворяниновском саду (IV, 930–931). Это отразилось на отношении к воспоминаниям. В приведенной выше цитате о продолжении работы над воспоминаниями в 1787 году Болотов указывает, что уже тогда имел «охоту описать всю мою жизнь», чему «Приключения» не вполне соответствовали. В описании же начала работы над итоговым вариантом в 1789 году он дважды подчеркивает, что основным его замыслом теперь стало описание всей жизни (IV, 495, 506).¹⁴

Реализация этого замысла привела к четкому структурированию текста мемуаров, которые Болотов начал разделять на пронумерованные части и письма. Отдельные части получили название и общую логику изложения материала, выстроенную по этапам биографии автора (например, «История моего малолетства» или «История моей военной службы»). Следствием новой концепции мемуаров стало заметное увеличение их объема за счет личных воспоминаний. Например, сюжет всего 18-го письма (отъезд Болотова из Петербурга после получения известия о смерти матери) занимает в «Приключениях» лишь страницу (Ч. 2. ОПИ ГИМ. Ф. 349. Ед. хр. 2. Л. 8). В итоговый же вариант Болотов добавил новеллы о «смешном происшествии» с учителем в доме генерала Маслова (I, 188–191) и о праздновании тезоименитства Елизаветы Петровны (I, 191–197). Они составляют три четверти этого письма, остальное же занято описанием чувств мемуариста. Глубоко личные эпизоды, подчас довольно спорные с точки зрения общественной морали, повышали эмоциональную составляющую мемуаров и формировали характерную для них атмосферу исповедальности, что, по-видимому, соответствовало замыслу автора.

Еще одним новшеством этого этапа стала адресация воспоминаний потомкам, что отразилось в названии «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» (оно воспроизводится с 1 по 29-ю и, вероятно, по утраченную 30-ю часть). Как «порядочное описание всей моей жизни в пользу моих детей и потомков» (IV, 495)¹⁵ Болотов их характеризовал и позднее. Главным читателем мемуаров в это время был подросший сын Павел, и особенно актуальным стало приобщение сына к отцовскому жизненному опыту в связи с его отъездом на службу в Петербург в октябре 1789 года. Впрочем, читали воспоминания и другие члены семьи Болотова (IV, 696). Поэтому жизнеописание приобретало выраженный дидактический характер, пополняясь нравоучительными сентенциями и подробностями биографии автора, имеющими воспитательное значение.

Однако вскоре после начала основного богородицкого этапа происходит «кризис» читательской аудитории. С одной стороны, уже в начале 1790 года П. А. Болотов вышел в отставку и возвратился к семье. Теперь аналогии между молодым Андреем Тимофеевичем, находящимся на службе в далеком Кенигсберге, и его сыном просматривались слабо. С другой, в эти же годы разъезжаются дочери Болотова, Анастасия

¹⁴ Ср. «Автобиографию», где мемуары определяются как «памятник о всех случившихся в жизни его с ним происшествиях» (НИОР РГБ. Ф. 475. Карт. 1.1. Л. 7).

¹⁵ Ср. в «Автобиографии»: «К сему обширному сочинению побуждали его желание оставить своим родным и потомкам, для коих собственно он и писал оное...» (Там же).

и Ольга, которых он выдал замуж (Елизавета вышла замуж раньше). В такой ситуации дидактическое значение мемуарного текста, очевидно, несколько снизилось.

В замысле описания всей своей жизни, возникшем у Болотова в конце 1780-х годов, важную роль играли дневники: при необходимости они могли служить «продолжением» мемуаров (IV, 495), так как тогда Болотов не предполагал, что сможет заниматься составлением воспоминаний еще более 30 лет. К началу 1791 года «Жизнь и приключения» были внушительным сочинением, состоявшим из шести частей, объемом более тысячи листов. Но описание событий дошло лишь до начала 1759 года, и перспективы работы должны были казаться Болотову необъятными. Насыщенный служебными, творческими и семейными событиями текущий период жизни, в сравнении с молодыми годами, по-видимому, имел в глазах Болотова не меньшее (если не большее) значение. Именно тогда он временно смещает акцент в создании своего жизнеописания на дневниковые записки.

К регулярному ведению дневников Болотов приступил еще в 1766 году, обычно его дневниковые записи имели название «Домашний исторический журнал» или «Подневные записки». Он продолжал их вести и в начале 1790-х годов.¹⁶ Однако наряду с ними с 1791 года появляются дневники, имеющие название «Продолжение описания моей жизни».¹⁷ Это вторичные по отношению к обычным «поднежным запискам» рукописи, при создании которых Болотов экспериментирует с оформлением, очевидно пытаясь включить их в корпус текстов жизнеописания. Так, дневник за 1791 год он разделяет на главы и некоторым из них дает названия, например: «Глава 1. Доказывающая, что человек всего скорее может в мыслях своих обмануться. Новый год и новые заботы» и т. д.¹⁸ Однако необходимость использовать эти дневниковые записи как продолжение воспоминаний не возникла. Сам Болотов впоследствии определял их как материалы к мемуарам (IV, 495), используя информацию, в них зафиксированную, при написании соответствующих частей.

На наш взгляд, нет оснований включать их в комплекс болотовских воспоминаний или рассматривать как черновики «Жизни и приключений». Обширные заимствования из дневниковых записей естественны (как и, например, из переписки), но при этом Болотов проводил работу по отбору сюжетов, подвергал их литературной обработке, комментировал, вставлял диалоги или чужую речь. Даже оформленные как «Продолжение жизнеописания», дневники остаются принципиально иным по характеру текстом, в частности, содержащим информацию, которую Болотов через 20 с лишним лет опускал при составлении воспоминаний (от повседневных приемов пищи до списков приобретенных книг). Тем более невозможно рассматривать как часть мемуарного наследия Болотова дневники других периодов его жизни, которым сам автор не придавал значения продолжения воспоминаний.

Однако повышенное внимание к дневникам на последнем этапе службы в Богородицке могло привести к временному оттеснению собственно мемуаров на второй план и возникновению длительного перерыва в работе над ними. В этой ситуации обращение Болотова к написанию 7-й части осенью 1792 года представляется незначительным эпизодом, когда любая помеха в работе могла привести к ее остановке. Что и произошло при написании 75-го письма, посвященного началу военной кампании 1759 года. Этот текст, являющийся частью обширного очерка истории Семилетней войны,¹⁹

¹⁶ Болотов А. Т. Настольный журнал 1791. Краткие домашние записи 1791–1793 // НИОР БАН. Ф. 69. № 10. 142 л.

¹⁷ Сохранились такие дневники за 1791 (РНБ. Ф. 608 (Собр. И. В. Помяловского). Оп. 2. Ед. хр. 88/6), 1792 (НИОР БАН. Ф. 69. № 25), 1793–1794 (ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 7) и 1795 (РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 33) годы.

¹⁸ Описание жизни Андрея Болотова, сочиненное самим им для его потомков. Продолжение // РНБ. Ф. 608. Оп. 2. Ед. хр. 88/6. Л. 4. Рукопись сохранилась плохо, включает в себя описание только начала 1791 года, отдельные листы отсутствуют.

¹⁹ В «Приключениях» этот очерк отсутствовал, в раннем варианте мемуаров Болотов описывал только те военные события, участником которых он был. В итоге очерк истории Семилетней войны содержится в различных письмах 4–10-й частей воспоминаний.

очевидно, не устроил Болотова, поскольку письмо не было им тогда закончено, а написанное начало было впоследствии вычеркнуто. На этом работа над мемуарами на основном богородицком этапе завершилась.

Следующий, третий, *ранний дворяниновский* этап приходится уже на время жизни Болотова в Дворянинове после отставки и охватывает 1797–1802 годы. К работе над воспоминаниями Болотов обратился в первый же писательский сезон в Дворянинове, который совпал с началом 60-го года его жизни. Но этот новый приступ к мемуарам вновь оказался коротким: в сезон 1797–1798 годов он написал только письма с 75-го по 80-е. Последние два письма 7-й части (81-е и 82-е) были написаны в ноябре 1800 года.²⁰ Возвращаясь к работе над мемуарами, Болотов зачеркнул ранее сочиненное начало 75-го письма и написал посвященные военным действиям 1759 года 75–77-е письма. Он также предпринял редакцию 6-й части мемуаров, сделав к ней четыре примечания к 65-му и 66-му письмам, в которых описывается военная кампания 1758 года. Текст примечаний был размещен в конце рукописи (Ч. 6. ОПИ ГИМ. Ф. 349. Ед. хр. 3. Л. 211–219 об.), после пометы о ее завершении в декабре 1790 года (Там же. Л. 210 об.). Смысл такого редактирования, очевидно, был тот же, что и при исправлении 75-го письма, но осуществлено оно была позднее: бумага вставок имеет водяной знак 1800 года. Это может быть дополнительным аргументом для определения работы Болотова над мемуарами в сезон 1797–1798 годов как краткого эпизода, тем более что первые годы после переезда Болотова в Дворяниново были весьма насыщенными домашними делами.

Лишь в 1800 году работа над мемуарами вновь приобретает интенсивный характер. За сезон 1800–1801 годов Болотов не только закончил, наконец, 7-ю часть, но и написал 8–11-ю (Ч. 8, 10–11. ОПИ ГИМ. Ф. 349. Ед. хр. 5–7).²¹ Интересно, что если 8-я и 9-я части были написаны очень быстро (за один ноябрь 1800 года, то есть большинство писем этих частей писались за один день), то затем этот срок увеличивается: на написание 10-й и 11-й части Болотов потратил приблизительно по месяцу. Еще больший общий срок (более двух месяцев) понадобился Болотову для написания 12-й части, к которой он обратился только в 1802 году (Ч. 12. ОПИ ГИМ. Ф. 349. Ед. хр. 8). Сразу после ее завершения были написаны два письма 13-й части,²² после чего в работе над мемуарами последовал новый, трехлетний перерыв.

Неравномерность работы над мемуарами на раннем дворяниновском этапе была связана с главным новшеством этого времени: Болотов начал снимать копии с уже написанных частей. Первая датированная копия (6-й части) имеет помету о переписывании в 1801 году. Тем же годом датированы копии 7-й и 8-й частей.²³

Необходимость в копировании, по всей видимости, была обусловлена очередным изменением представлений Болотова о востребованности мемуаров. Мысль о том, что его воспоминания могут быть интересны широкому кругу читателей, приходила ему в голову и раньше. Еще в декабре 1789 года в письме сыну, сообщая о завершении 3-й части, Болотов писал: «Книжки будут прекрасные! Настасья только и говорит, что не только де нам, но и иным любопытны» (IV, 696). Но в период службы в Богородицке расширить аудиторию читателей вряд ли представлялось возможным отчасти по причине удаленности от Богородицка соседних дворянских усадеб, отчасти из-за официального положения Болотова как управляющего.²⁴ После возвращения в Дворяниново этот круг

²⁰ Об этом свидетельствуют пометы в начале этих писем в копии 1801 года: «ноябрь 4 д. 1800» и «Ноября 6 д. 1800 г.» соответственно (I, 981, 995). Кроме того, в оригинальной рукописи эти письма написаны на бумаге, отличающейся от предыдущей, с отчетливо читаемым водяным знаком «1800» (Ч. 7. ОПИ ГИМ. Ф. 349. Ед. хр. 4. Л. 176–204, текст 81-го письма начинается с л. 172).

²¹ Оригинал 9-й части не сохранился.

²² В начале 132-го письма стоит помета: «Писано октября 31-го, 1802» (II, 776).

²³ В описи все эти рукописи (РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 7–9) датируются временем написания оригиналов, несмотря на содержащиеся в них четкие указания на время их «переписывания».

²⁴ Соответствующие замечания Болотова неоднократно встречаются на страницах его мемуаров, посвященных богородицкому этапу жизни. Ср. также с характеристикой «весьма немногочисленного» богородицкого общества в дневнике Павла Болотова (Болотов П. А. Журнал,

расширился за счет деревенских соседей и родственников. Сохранились свидетельства о том, что в Дворянине Болотов зачитывал свои мемуары вслух родственникам, друзьям и соседям, а также давал их читать на дом.²⁵ С другой стороны, с этого времени все больше становится актуальной адресация к весьма увеличившемуся потомству. Теперь Болотов не мог не задумываться о том, что востребованность его воспоминаний может пережить его самого, что и подтолкнуло его к копированию мемуаров.

В большинстве случаев копии, снятые рукой самого Болотова, почти не отличаются от оригинала по содержанию, а вносимая при копировании правка минимальна и носит технический характер (исправлены описки, кое-где изменена разбивка по абзацам и т. д.). Зато существенно отличается оформление. Копии выполнены лучше и чище, более разборчивым почерком, корешок и уголки крышки у них обычно кожаные, а не картонные, обрез бумаги окрашен, в начале и конце каждой части помещаются рисованные тушью заставки и виньетки, колонтитулы оформлены в рамку, а не просто отчеркнуты. Это позволяет рассматривать авторские копии как «парадные» версии воспоминаний, ориентированные на «внешнего» читателя. Не случайно именно копии были выбраны наследниками из всего комплекса рукописных мемуаров Болотова, когда появилась перспектива их публикации.

Открытым остается вопрос о точном времени, с которого Болотов начал снимать копии. В начале 1-й части «парадного» варианта указывается лишь «писано в 1789 году». Эта пометка повторяет дату написания оригинальной 1-й части 1789 года и не может быть датирующим свидетельством. На последующих частях, со 2-й по 5-ю, выполненных в таком же стиле «парадной» копии, время копирования также не указано. Как уже отмечалось, даты написания на оригиналах 2–5-й частей, по-видимому, вообще не были проставлены. Указание Болотовым на копиях этих частей времени написания их оригиналов имело уточняющий характер и было аналогично датированию отдельных писем в копии 7-й части, несмотря на отсутствие помет в оригиналах этих писем. Вообще снятие копий, по-видимому, сыграло организующую роль в работе Болотова над мемуарами, структура которых становится все более упорядоченной. Начиная с 9-й части, Болотов начинает разделять части своих воспоминаний строго на 10 писем. С 10-й части он дает отдельным письмам названия (в оригинале этой части озаглавлены 8 из 10 писем, причем не имевшие в оригинале названия 107-е и 109-е получили их в копии).²⁶ Более упорядоченным становится размер писем, что нашло отражение в изменении заголовков писем 10-й части. Например, название 101-го письма в оригинале выглядело «Первый [осень] в деревне день», а 105-го — «Московская первая жизнь [и езда в Кашин]» (Ч. 10. ОПИ ГИМ. Ф. 349. Ед. хр. 6. Л. 4, 88).²⁷ Изменение содержания писем в процессе их написания лишний раз подчеркивает характер болотовских мемуаров, как «прямо набело писанного» сочинения. Именно в копиях Болотов впервые начал указывать точные даты создания отдельных писем (при копировании 7-й части в 1801 году). В оригинале такая дата (16 сентября 1802 года) встречается впервые в конце 123-го письма (Ч. 12. ОПИ ГИМ. Ф. 349. Ед. хр. 8. Л. 74 об.). Обычной эта практика становится только на следующем этапе работы над мемуарами. Точному указанию времени копирования Болотов, очевидно, уделял меньшее значение, чем (в итоге) дате написания оригиналов. На первых пяти частях копий время

или Ежедневные записки препровожденного времени и всем приключениям, случившимся со мною в 1789 году // ОПИ ГИМ. Ф. 349. Ед. хр. 16. Л. 2).

²⁵ См. свидетельство внука и письма соседей М. И. Семевскому: *Болотов М. П.* Андрей Тимофеевич Болотов. С. 748–749; Письмо от А. И. Цвиленева от 22 августа 1872 года // ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 42. Л. 1; Письмо от С. Н. Кругликова (б. д.) // ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 46. Л. 1.

²⁶ В дальнейшем названия у отдельных писем в оригиналах встречаются лишь эпизодически, обычно в заглавии соответствующего письма отмечается начало нового календарного года. В копии названия писем встречаются значительно чаще.

²⁷ В квадратных скобках помещен зачеркнутый текст. В итоге событиям осени 1762 года оказались посвящены также и последующие письма (в копии: «Первый день в деревне», II, 299), а описание путешествия в Кашин было перенесено в следующее письмо (в копии: «Московская первая жизнь», II, 362).

их «переписывания» вообще не указано, а в дальнейшем эти указания не отличаются точностью.

Таблица 1²⁸

Часть	Оригинал			Копия	
1	Т	ГИМ № 1	1789	РНБ № 1	писано в 1789 году
	К		—	№ 1	—
2	Т		Не сохранилась	РНБ № 2	написана в 1789 г.
	К			№ 2	—
3	Т		Не сохранилась	РНБ № 3	написана в 1789 г.
	К			№ 3	—
4	Т		Не сохранилась	РНБ № 4	написана в 1789 г.
	К			№ 4	—
5	Т	РНБ № 6	—	РНБ № 5	1790
	К		—	№ 5	—
6	Т	ГИМ № 3	Начата ноября 16. 1790. Окончено декаб. 24 того ж года	РНБ № 7	соч. 1790, переп. 1801 г.
	К		окончена 24 декаб. 1790		—
7	Т	ГИМ № 4	Начата ноября 16 дня 1792. Кончена в ноябре 6 1800	РНБ № 8	соч. 1792–1800, переп. 1801 г.
	К		окончено 6 ноября 1800		—
8	Т	ГИМ № 5	Начата нояб. 7. 1800. Конче- на нояб. 19	РНБ № 9	соч. 1800, переп. 1801 г.
	К		Написано в 11 дней		7 нояб. 1801
9	Т		Не сохранилась	РНБ № 10	сочинена 1800, переписана 1805 года
	К				Сочинена в ноябре 1800, пе- реписана в октябре 1805.
10	Т	ГИМ № 6	Начата декабря 2 дня 1800, окончена генв 12 1801	РНБ № 11	1801.
	К		кончена генваря 12 1801 года		Сочинена в генваре 1801, пе- реписана в ноябре 1805 года
11	Т	ГИМ № 7	Начата генваря 14 1801, кон- чена февр 9 1801	РНБ № 12	Сочинена 1801, переписана 1805
	К		кончена февраля 9 дня 1801		Сочинена в феврале 1801 года, переписана в де- кабре 1805 года
12	Т	ГИМ № 8	Начата августа 23 1802, кон- чена октября 30	РНБ № 13	Сочинена 1802, переписана 1805
	К		кончена октября 30 дня		Сочинена 1802, а переписана в 1805 году в декабре.

Начиная с 9-й части в конце копий обычной становится уточняющая помета с указанием на месяц и год как написания, так и копирования части. Особенно показателен случай 10-й части, в титуле которой Болотов пренебрег годом переписывания, хотя

²⁸ Номер соответствует номеру рукописи в описи фонда указанного архива. «Т» — помета о времени написания на титульном листе, «К» — в конце текста рукописи. Сохранен аутентичный вид помет.

в конце сделал соответствующее указание. Таким же, по-видимому, был его подход к оформлению титулов 1–5-й частей копий.

Единственным явным датирующим признаком этих рукописей является бумага, и, на первый взгляд, она свидетельствует о достаточно раннем времени их создания: все они написаны на синеватой бумаге одного типа (филигрань БОФАУ — Богородского округа фабрика Александра Угрюмова) 1786 и 1787 годов.²⁹ Это обстоятельство, в сочетании с авторскими пометами о написании, по-видимому, снимало у публикаторов все вопросы о датировке данных рукописей. Однако первая точно датированная 1801 годом копия 6-й части написана на той же самой бумаге (1787 года), что, на наш взгляд, является явным свидетельством в пользу отнесения «парадных» копий 1–6-й частей к одному времени, а именно, к раннему дворяниновскому этапу работы над мемуарами. Начало копии 7-й части также написано на этой бумаге (Ч. 7. РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 8. Л. 1–22). Лишь последующий текст копии 7-й части и копия 8-й части написаны на бумаге более позднего времени: очень похожей на предыдущую по типу, но чуть более темной и плотной бумаге 1799 года (филигрань БОФЕБ — Богородского округа фабрика Елизаветы Баташевой — та же фабрика, сменившая владельца).³⁰ Единство оформления копий как «парадной» серии подчеркивает еще одна деталь: переплет копий 1–5-й частей снабжен коричневым кожаным корешком с золотым тиснением, у 1-й и 2-й частей этот корешок сохранился, у 3-й, 4-й и 5-й был позднее заменен черным коленкором, на который наклеен фрагмент старого кожаного корешка с тиснением «Жизнь Андрея Болотова» и номером части. У оригинальных частей мемуаров всех этих признаков не наблюдается. В частности, ни в одной из сохранившихся рукописей оригиналов 1789–1792 годов не использовалась бумага, на которой были написаны копии этих частей. Каждая из этих рукописей написана на бумаге разных видов (в основном двух), преимущественно белой, по водяным знакам датируемой между 1784 и 1787 годами (за исключением конца рукописи 6-й части, представляющей собой, как это было показано выше, позднейшую вставку на бумаге 1800 года).

На первый взгляд, существенное отличие копий от оригиналов заключается в том, что копии частично проиллюстрированы: первые три части копий содержат сюжетные миниатюры тушью в начале и в конце каждого письма (значительная их часть была воспроизведена в издании Семевского). В первый томик вклеены также два цветных рисунка акварелью: известный портрет Болотова в кабинете, размещенный на фронтисписе (Ч. 1. РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 1) и иллюстрация к рассказу об одном из болотовских предков (Там же. Л. 28). В оригиналах ни сюжетных миниатюр, ни цветных рисунков нет. Однако идея иллюстрирования мемуаров, несомненно, появилась у Болотова еще в Богородицке. В уже цитировавшемся письме сыну Павлу о 3-й части (декабрь 1789 года) Болотов сообщает: «Я пишу их прямо набело на самой белой бумаге и украшаю начальные слова каждого письма, вместо виньеток, рисуночками пером-тушью, имеющими отношение к материям, в письме содержащимся» (IV, 696). В феврале 1790 года вернувшийся в Богородицк Павел ознакомился с рукописью мемуаров (1–4-й частями) и тоже пожелал «украсить ее несколькими картинками», в том числе нарисовал «при начале первой части» портрет отца в кабинете (IV, 729). По-видимому, идея была новой (в «Приключениях» рисунки отсутствовали³¹) и появилась у Болотова уже после написания 1-й части, редкие рисунки в оригинале которой имеют характер дополнительного оформления текста (виньетки, рамки колонтитулов и т. д.) и не связаны с его содержанием. Судя по тому, что ни в 5-й, ни в последующих частях оригиналов сюжетных миниатюр нет, Болотов довольно быстро

²⁹ Клепиков С. А. Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. С. 41. № 96. Часть 1 (РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 1) включает два вида бумаги, 1786 (л. 67–199) и 1787 годов (л. 1–66); части 2–5 (РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 2–5) написаны на бумаге 1787 года.

³⁰ Клепиков С. А. Филиграния и штемпели... С. 41. № 97.

³¹ Кроме трех планов битвы при Гросс-Егерсдорфе с «изъяснениями» (ОПИ ГИМ. Ф. 349. Ед. хр. 2. Л. 185 об. — 186 об., 197, 231 об. — 232 об.).

охладил к этой идее (впрочем, как и вообще к работе над мемуарами на основном богородицком этапе). Проиллюстрированы, скорее всего, были только оригиналы 2–4-й частей, но они не сохранились.³²

При написании копий Болотов вернулся к иллюстрированию текста, причем вставил в копию первой части два старых рисунка, сделанных сыном в 1790 году. Рисунки подклеены к специально оставленному для них обрезу листа, и это подтверждает предположение, что они были выполнены отдельно и при копировании первой части для них было оставлено место вклейки. Вероятно, Павел Андреевич предполагал сделать больше иллюстраций (или Андрей Тимофеевич на это надеялся), так как в 1–2-й и 4-й частях оставлено несколько таких обрезов. Незавершенность замысла снабжения «парадных» копий вклеенными цветными иллюстрациями, на наш взгляд, также является аргументом в пользу датирования этих рукописей концом 1790-х годов. В Богородицке, после возвращения Павла со службы, ничего не мешало бы выполнению этого плана. Но после женитьбы Павла и его отъезда из Дворянинова в 1798 году, его участие в создании рисунков оказалось под вопросом, и к иллюстрированию мемуаров отца Павел больше не вернулся. Идея иллюстрирования копий также просуществовала недолго. С 4-й части копии Болотов, видимо, не успевал делать иллюстрации: он оставляет для них незаполненные места, очеркивая их карандашом, или делает карандашные наброски, которые сейчас почти не видны. В 4-й части встречаются также вырезанные места, возможно это были неудачные миниатюры, которые Болотов рассчитывал впоследствии переделать. С 5-й части количество и качество сюжетных миниатюр резко сокращается (в издание Семевского они обычно не включены), что можно связать с их отсутствием в оригиналах соответствующих частей. Во всяком случае, наличие сюжетных миниатюр не может быть аргументом против использования термина «копия» по отношению к рукописям соответствующего ряда: в тех частях, где в копиях миниатюры имеют существенное значение (2–4-я части), они, скорее всего, были перенесены из оригиналов. Лишь в копии 1-й части значительное число миниатюр не находит соответствия в оригинале.

В ней же фиксируется единственное существенное содержательное отличие оригинала от копии. При копировании 1-й части Болотов почти полностью отказался от первого письма оригинала, представлявшего собой этикетную полемику с «любезным приятелем», который якобы «неотступно» уговаривает автора приняться за описание собственной жизни. Эта полемика имела краткое продолжение в начале 2-го, 3-го, 4-го и 5-го писем и тоже не была воспроизведена при копировании (Ч. 1. ОПИ ГИМ. Ф. 349. Ед. хр. 1. Л. 6–9 об., 34 об. — 35, 44 об. — 45, 53–53 об.). Вероятно, в конце 1790-х годов в таком самооправдании Болотов уже не видел необходимости, так как у него сложилась своя аудитория, и его мемуары в этот период находили своих читателей.

Хотя точное время создания копий 1–5-й частей остается не до конца ясным, по нашему мнению, эти рукописи можно датировать временем около 1800 года. Зимой 1797–1798 и 1798–1799 годов Болотову было сложно заниматься писательскими трудами из-за хозяйственных и семейных хлопот, работы над переводами и завершением ранее начатых сборников. К 1800 же году относится возвращение к работе над воспоминаниями.

Следующий, *основной дворяниновский этап* (1805 — ок. 1816) начался после перерыва в работе над мемуарами на очень насыщенные событиями годы: закончилась большая тяжба, в которую Болотов был вовлечен много лет назад. На новом этапе было написано 18 новых частей (13–29-я и, по-видимому, несохранившаяся 30-я). Причем почти половину из них Болотов написал всего за два сезона (зима 1809–1810 и 1810–1811 годов). Поскольку не только части, но и почти все письма, написанные в это время, точно датированы, история работы Болотова над мемуарами на этом этапе хорошо реконструируется. В приведенной таблице сведена информация о создании болотовских воспоминаний в этот период.

³² Предложить объяснение тому, что были утрачены именно те части оригиналов, которые, по-видимому, содержали сюжетные миниатюры, мы в настоящее время не можем.

Таблица 2³³

	Сент.	Окт.	Нояб.	Дек.	Янв.	Февр.	Март	Апр.	Май
1805/06		9 ч. 133– 137	138–140 10 ч.	11 ч. 12 ч.					
1806/07									
1807/08			141–144	145–150 151, 152	153				
1808/09				154–160 161–170 171–174	175–180 181–189	190			
1809/10			191–197	198–200 15 ч. 16 ч. 201–210	211–215 16 ч.	216–220 16 ч. 221, 222			
1810/11	223, 224	225– 230 17 ч.	17 ч. 18 ч.	18 ч. 231–240 241–243	244–250	251–260 261–264	265–270	19 ч.	20 ч. 21 ч.
1811/12									
1812/13		271– 273	274–280 281–283	284–286	287				
1813/14			288–290	291–294	295	296			
1814/15									
1815/16									
1816/17	297, 298	299, 300							

Некоторые из частей были написаны Болотовым очень быстро. Рекордной, по-видимому, стала 16-я часть, которую он написал за 9 дней.³⁴ На этом этапе при сочинении мемуаров Болотов опирался на свои дневниковые записи и письма, которые он иногда переносил в текст воспоминаний целиком или в отрывках. От объема таких заимствований зависела и скорость написания новых частей.

На копирование одной части при работе без перерыва он тратил в этот период около двух недель. Хотя даты снятия копий встречаются не всегда (для отдельных писем они скорее исключение), и при этом обычно указывается лишь год и месяц переписывания, к такому выводу можно прийти, проследив динамику создания копий: есть два случая, когда за месяц были написаны полные копии двух частей (декабрь 1805-го и май 1811 года).³⁵ Причем ни на какую другую письменную работу времени у Болотова, по-видимому, не оставалось, в отличие от тех месяцев, за которые он копировал только одну полную часть. Этот же вывод можно сделать, если посмотреть на известный по воспоминаниям М. П. Болотова режим дня Андрея Тимофеевича в преклонные годы, когда на собственно писательскую работу (без учета повседневных дневниковых

³³ Оригинальные части приведены в виде писем (все части состояли из 10 писем, 141–150-е письма — 14-я часть и т. д.), копии указаны по частям. В случае, если работа над частью продолжалась в разные месяцы, она указана во всех соответствующих ячейках. Порядок, в котором письма и части приведены в одной ячейке, в большинстве случаев отражает последовательность работы над ними в рамках данного месяца.

³⁴ На титуле оригинала в качестве даты начала работы указывается 18-е, а завершения — 28 декабря 1808 года, после чего делается неожиданный вывод: «сочинена в 12 дней» (Ч. 16. ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 3. Л. 2). Однако помета в конце рукописи — «26 декабря 1808» (Там же. Л. 196 об.), та же дата указана в конце копии (III, 362).

³⁵ Похожая ситуация была в ноябре 1810 года, когда за месяц Болотов успел закончить копию 17-й и начать копию 18-й части.

и метеорологических записей и выписок из газет) у него зимой уходило около четырех часов.³⁶ Учитывая характер оформления копий, за день он вряд ли мог скопировать больше одного письма. Изредка в копиях этого времени появляются миниатюры и вклейки с планами и рисунками усадебного дома и садов.³⁷

Вообще, изменение отношения Болотова к собственному мемуарному наследию на основном дворяниновском этапе связано, главным образом, с копиями. В начале Болотов явно ставил перед собой цель снять копии с написанных ранее частей и иметь «законченный» комплект мемуаров. Эта задача была им, по-видимому, решена уже в сезон 1805–1806 годов, что, однако, привело к появлению своеобразной по ряду характеристик 13-й части. Ее рукопись существует в единственном экземпляре (Ч. 13. РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 14), и, хотя почти все письма в ней точно датированы, указания на время написания рукописи в целом крайне беспорядочны. На титуле дата «1802» (132-е письмо датировано 31 октября 1802 года, недатированное 131-е письмо, видимо, было написано около этого времени) соседствует с указанием «Начата октября 30, кончена ноября 5-го 1805» (даты написания 137–140-го письма) (II, 763–764, 776, 846, 859, 880, 899), между тем 133–136-е письма датированы 26–29 октября 1805 года (II, 797, 813, 820, 834). Формулировка пометы о завершении рукописи уникальна: «Сочинена и писана прямо набело дней в 10 и более в 1805 году» (II, 926). На наш взгляд, небрежность связана с экспериментальным характером этой рукописи: вернувшись осенью 1805 года к ее продолжению (между снятием копий с 9-й и 10-й частей), Болотов решил сразу оформить ее в «парадном» стиле и не тратить время на копирование.

Однако этот опыт поначалу не получил продолжения. 14-я часть вновь имеет оригинал и копию. Если 13-ю часть Болотову удалось написать «прямо набело дней в 10», то с 14-й было иначе: на ее написание он потратил более месяца³⁸ и работа шла сложно: рукопись оригинала содержит правку, небольшие вставки над строками и на полях, почерк беглый (Ч. 14. ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 1). Копия этой части (Ч. 14. РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 15) имеет все признаки «парадного» стиля (вставлены отсутствующие в оригинале названия отдельных писем, добавлен рисунок тушью),³⁹ но не имеет пометы о переписывании ни на титуле, ни в конце рукописи. Можно лишь осторожно предположить, что это связано со снятием копии в тот же сезон 1807–1808 годов, в который был написан оригинал этой части.

В следующий сезон Болотов не снял ни одной копии, по-видимому увлекшись написанием новых частей, которых было почти четыре (Ч. 15–16. ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 2–3; Ч. 17–18. ОПИ ГИМ. Ф. 349. Ед. хр. 9–10). В дальнейшем он пытался сократить возникшее отставание, но безуспешно. Показательным в этом смысле стал сезон 1809–1810 годов, когда Болотов одновременно работал над новыми частями и копировал написанные ранее.⁴⁰ В результате, например, рекордная по скорости создания 16-я часть была скопирована через год за полтора месяца, с перерывами на написание писем 20-й и 21-й частей.

Очевидно, что у Болотова не хватало сил и времени на копирование новых частей, и в следующем сезоне он пришел к выводу о его нецелесообразности. 22-я часть стала последним оригиналом в «непарадном» исполнении. По-видимому, копия с него

³⁶ Болотов М. П. Андрей Тимофеевич Болотов. С. 741–742.

³⁷ Отдельные рисунки тушью и карандашом появляются в копиях 10-й, 11-й, 14-й, 17-й частей. В 12-й, 15–16-й и 18–20-й частях миниатюры отсутствуют и в оригинале, и в копии.

³⁸ Титульный лист и 141-е письмо отсутствуют. Начало написания 142-го письма датировано 19 ноября 1807 года (Л. 4), помета в конце рукописи: «Конец 14 части. Декабря 20 дня 1807 года» (Л. 176 об.). Работа над отдельными письмами оказалась весьма продолжительной, так начало 144-го письма имеет дату 23 ноября (Л. 47), 145-го — 4 декабря (Л. 66), 146-го — 10 декабря (Л. 86).

³⁹ 143-е — «Путешествие в Москву», 148-е — «1771», 149-е — «7-го марта» (II, 963, 1057, 1074). Рисунок усадьбы с церковью перед началом 145-го письма (II, 1002).

⁴⁰ Например, 13 декабря 1809 года он написал 203-е письмо (Ч. 20. ОПИ ГИМ. Ф. 349. Ед. хр. 12. Л. 58 об.), 15 декабря отмечено завершение копирования 15-й части (III, 202) и начало копирования 16-й (III, 201), а уже 16 декабря — написание 204-го письма (Ч. 20. ОПИ ГИМ. Ф. 349. Ед. хр. 12. Л. 84 об.).

в дальнейшем так и не была снята.⁴¹ Начиная с 23-й части, Болотов сразу оформляет оригинальные рукописи мемуаров в «парадном» стиле, и это не привело к увеличению продолжительности работы над частями.⁴² После 1811 года копии больше не снимаются, и дублирование текста воспоминаний на основном дворяниновском этапе создания мемуаров завершается.

К этому моменту воспоминания были доведены до 1787 года, и Болотов сосредоточился на том, чтобы как можно больше успеть написать, а не переписывать имеющееся. Вскоре⁴³ Болотов дошел до того периода, описывая который, он получил возможность опереться на свои дневниковые записи позднего богородицкого времени, созданные двадцать лет назад как возможное продолжение жизнеописания. Активное использование этих записей⁴⁴ не привело к принципиальным изменениям в работе над мемуарами. Более того, последние части, написанные на основном дворяниновском этапе, явно давались Болотову с трудом: 28-я и 29-я части потребовали соответственно 68 и 60 дней работы (без учета перерывов на сезоны), о продолжительности работы над 30-й частью, вероятно написанной в рамках сезона 1816–1817 годов, данные отсутствуют.⁴⁵

Затягивание работы над этими частями, как и пропуски отдельных сезонов, объясняются прежде всего тем, что Болотов был занят работой над другими сочинениями.⁴⁶ Существенную роль играл и почтенный возраст Болотова, сказывавшийся на интенсивности его работы. Этот фактор стал иметь определяющее значение на последнем, *позднем дворяниновском* этапе написания мемуаров (ок. 1818 — ок. 1829). Так как из десяти написанных на этом этапе новых частей сохранилось менее половины, мы имеем о нем самые неясные представления. Когда именно Болотов приступил к 31-й части своих воспоминаний, неизвестно. Возможно, импульсом к возобновлению работы над мемуарами вновь стало достижение символически значимого возраста, на этот раз 80-летия, в 1818 году. Внешним выражением отношения Болотова к этому этапу как к новому стала корректировка названия и появление двойной нумерации частей. Дошедшие до нас 35–37-я части названы «Продолжение описания жизни Андрея Болотова, описанной им для своих потомков» и нумерованы «часть 5, а от начала 35» и т. д. На утраченную 31-ю часть, по всей видимости, пришлось наступление нового периода в жизни Болотова после его окончательной отставки со службы и переезда в Дворяниново. Судя по 35-й части, не сохранившиеся 31–34-я части были написаны между 1818 (?) и весной 1821 года и содержали письма с 311 по 346, описывающие события за 1797–1799 годы.⁴⁷

Рукопись 35-й части по внешнему виду соответствует «парадному» стилю более ранних частей мемуаров: твердый картонный переплет, четкий, разборчивый почерк, оформление текста виньетками и заставками, иногда встречаются рисованные карандашом миниатюры. Однако с предшествующими ей утраченными частями дело,

⁴¹ В комплекте из 29 частей, который был издан Семевским, копия этой части уже отсутствовала (IV, 174).

⁴² Средняя продолжительность написания 23–27-й частей — 25 дней.

⁴³ То есть с последних писем 24-й части, соответствующее замечание Болотова находится в 248-м письме (IV, 495).

⁴⁴ Например, текст дневника «Описание жизни Андрея Болотова, сочиненное самим им для его потомков. Продолжение» (РНБ. Ф. 608. Оп. 2. № 88/6) хорошо соотносится (часто вплоть до дословных совпадений) с описанием начала 1791 года в 271-м письме (IV, 787–794), что, впрочем, не позволяет нам присоединиться к прямолинейной трактовке этой рукописи, написанной на 20 лет раньше соответствующей части болотовских воспоминаний, как к «черновому наброску» мемуаров (Абрамович Д. И. Каталог собрания рукописей профессора И. В. Помяловского, ныне принадлежащих Императорской Публичной библиотеке. СПб., 1914. С. 51).

⁴⁵ Учитывая, что на этом этапе Болотов весьма методично распределял свои воспоминания по частям (последние включали в себя описание от года до двух лет его жизни) и устойчиво делил их на 10 писем, можно с высокой степенью вероятности предполагать, что 30-я часть включала в себя 301–310-е письма и была посвящена событиям 1796 — начала 1797 года вплоть до отъезда Болотова из Богородицка в Дворяниново.

⁴⁶ Подробнее см.: Болотов А. Т. Автобиография // НИОР РГБ. Ф. 475. Карт. 1. Ед. хр. 1. Л. 7.

⁴⁷ Рукопись 35-й части (ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 4) имеет дату начала написания 19 мая 1821 года и начинается с 347-го письма, в котором продолжается описание событий 1799 года.

по-видимому, обстояло иначе. В письме к жене 1833 года Павел Болотов отмечает, что пропавшие части «писаны начерно и так сведены, что постороннему трудно и даже нельзя много разобрать».⁴⁸ Еще более любопытна информация об этих частях в воспоминаниях М. П. Болотова, который, указывая на их уничтожение матерью, увеличивает число частей до восьми и отмечает, что они были «чистенько переписанные рукою внучки Бородиной».⁴⁹ Если предположить, что М. П. Болотов верно запомнил, сколько частей было уничтожено, то все эти сведения можно согласовать между собой следующим образом: уничтожены были оригиналы 30–34-й частей и три их копии, переписанные внучкой. Копии были сняты, по-видимому, с последних трех частей (32–34), которые были написаны мало разборчивым почерком.

Причиной ухудшения внешнего вида рукописей, несомненно, были проблемы со зрением, которые начались у Болотова в конце 1810-х годов.⁵⁰ Судя по всему, выход был найден в копировании «начерно» написанных воспоминаний внучкой Болотова, Александрой Бородиной (1797 г. р.), которая, рано оставшись сиротой, с 1811 года жила в Дворянинове.⁵¹ Таким образом, возобновилось дублирование оригиналов копиями, и это единственные прижизненные копии мемуаров (увы, утраченные), сделанные не самим Болотовым. В 1821 году А. Ф. Бородина вышла замуж и покинула Дворяниново, после чего Болотову пришлось обходиться без ее помощи. Как видно по рукописи 35-й части, в начале 1820-х годов ему еще удавалось писать «прямо набело», но это требовало значительного времени: без учета сезонного перерыва эта часть (из 9 писем) писалась около 45 дней.⁵²

Приступив в марте 1822 года к написанию 36-й части (Ч. 6/36. ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 5),⁵³ Болотов очень скоро прервал работу. Осенью 1824 года он писал, что из-за ухудшившегося здоровья (особенно зрения) вынужден «сочинять ее наперед уже начерно а потом уже переписывать набело» (Ч. 6/36. РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 30. Л. 2–3). Черновик 36-й части, в котором содержится это рассуждение, был закончен только через год, хотя в основном (359–364-е письма) был написан менее чем за месяц в ноябре 1825 года — скорость, соответствующая прежним этапам работы над мемуарами. Выработанные годами навыки письма «набело» давали о себе знать: текст написан неровным и трудно разбираемым крупным почерком, но правки в нем почти нет, кроме двух добавлений, которые оформлены как сноски (Там же. Л. 177–178). В рукописи есть колонтитулы, она переплетена в картон.

Практически так же можно охарактеризовать черновую рукопись следующей, 37-й части: она отличается только бóльшим числом входящих в нее писем и встречающимися зачеркиваниями (Ч. 7/37. РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 31). Работа над ней продолжалась также около года. Первые 4 письма (365–368-е) были написаны сразу после окончания черновика предыдущей части в конце ноября — начале декабря 1825 года, приблизительно за две недели, затем последовала пауза, после которой Болотов вернулся к работе над воспоминаниями в октябре 1826 года и оставшиеся десять писем (369–378-е) писал без перерывов на протяжении двух месяцев. Последнее письмо, озаглавленное «65-й год моей жизни» было закончено 12 декабря 1826 года (Там же. Л. 200). Воспоминания в 37-й части были доведены до 1802 года.

⁴⁸ Козлов С. А. Русская провинция в дневниках Павла Болотова: «Настольный календарь 1787 года». СПб., 2006. С. 41.

⁴⁹ Письмо М. П. Болотова М. И. Семевскому от 14 октября 1873 г. // ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 40. Л. 1 об.

⁵⁰ Подробнее о потере зрения мемуаристом см.: Болотов А. Т. Краткие записки о значительнейших происшествиях со мною в 82 год моей жизни... // РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 53. Л. 2 об., 24.

⁵¹ Болотов М. П. Андрей Тимофеевич Болотов. С. 742.

⁵² Относительно времени завершения работы над этой частью в рукописи противоречивые сведения: на титуле указано 14 мая 1822 года (ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 4. Л. 2), помета в конце рукописи — 14 марта 1822 года (Там же. Л. 206 об.). При этом окончание всех писем, за исключением последнего, датировано, и предпоследнее (354-е) имеет дату 18 марта 1822 года (Там же. Л. 187 об.). 22 или 26 марта Болотов приступил к написанию следующей части, и нам представляется наиболее вероятным, что он начал писать 36-ю часть сразу после завершения 35-й.

⁵³ На титульном листе помета: «Начата 26 марта 1822, кончена 19 нояб. 1825» (Л. 2).

Всплеск активности в работе над воспоминаниями осенью 1826 года, по-видимому, был связан с возвращением в Дворяниново П. А. Болотова⁵⁴ и должен был продолжиться после завершения черновика 37-й части. Об этом можно говорить, исходя из общего числа частей мемуаров (39 и «начатая» 40-я), а также принимая во внимание рукопись с воспоминаниями Болотова о событиях 1805 года.⁵⁵ Эта рукопись является единственным и, на наш взгляд, бесспорным претендентом на роль 40-й части мемуаров. Хотя текст ее, по-видимому, был завершен,⁵⁶ она имеет все признаки чернового наброска: представляет собой одно письмо (без номера), описывающее все события 1805 года, титульный лист с названием отсутствует, нет помет о дате написания, переплет бумажный, скорее всего сделанный позднее и, вероятно, уже после смерти Болотова, поскольку помета на корешке «Отрывок А. Т. Б.» явно перекликается с надписью под крышкой переплета: «Отрывок из продолжения истории жизни А. Т. Болотова (1805 года) скончавшегося 3 окт. 1833». На вопрос о дате ее создания может быть дан лишь приблизительный ответ, основывающийся на общем представлении о времени завершения работы над мемуарами. По воспоминаниям М. П. Болотова, в 1830 году его дед был практически полностью слепым.⁵⁷ Поскольку текст воспоминаний о событиях 1805 года написан самим Болотовым (причем почерк довольно разборчивый, а правка почти отсутствует), то крайним временем его создания может быть 1829 год. В начале рукописи Болотов отмечает: «Продолжая описывать историю вечера дней моих или последние годы моей жизни, скажу вам, что как изобильны были важными происшествиями все предшествовавшие пред сим три года, так напротив того скуден был оними сей 1805 год» (ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 8. Л. 1). Очевидно, что предшествующие три года (1802–1804) к этому времени уже были описаны, по крайней мере, в черновом варианте. Это соответствует нашим представлениям об утраченных 38-й и 39-й частях. Объем описанных событий приблизительно равен предыдущим частям (по полтора года на каждую). Если предположить, что Болотов приступил к написанию 38-й части сразу по завершении черновика 37-й и сохранял прежнюю интенсивность работы, то написание черновика 38-й части следует датировать временем от декабря 1826-го по начало 1828 года, а черновика 39-й — от начала 1828-го до начала 1829 года.

Как показывает опыт осени 1826 года, Болотов был способен и к более быстрой работе, но написание черновиков мемуаров не являлось и в последние годы творческой деятельности единственным видом его писательских трудов. Немалого времени требовало и написание чистовых вариантов. Например, при возвращении осенью 1825 года к работе над воспоминаниями, он сначала переписал в чистовую рукопись 36-й части текст, написанный год назад в черновике,⁵⁸ и только затем приступил к продолжению самого черновика. Однако этот случай остается единственным. В остальном расхождение между черновиками и чистовиками 36-й и 37-й частей отсутствуют, отличаются они разборчивостью почерка, а также дополнительными элементами оформления (виньетки и заставки). По сути, это еще одна попытка уже привычного для Болотова копирования ранее написанной части, с поправкой на то, что если прежде на снятие копии у него уходило около двух недель, то теперь этот срок увеличивался. Отсутствие помет о переписывании в чистовике 36-й части,⁵⁹ скорее всего, свидетельствует о том, что работа по ее завершению была проделана в тот же сезон, когда был закончен

⁵⁴ Ср.: «...побудил меня сын мой к продолжению описания моей жизни...» в черновике 36-й части (РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 30. Л. 2 об.).

⁵⁵ Болотов А. Т. Продолжение описания моей жизни. 1805. 72 л. // ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 8. Для сравнения, дневник Болотова за 1805 год был по объему в два раза больше: Болотов А. Т. Домашний исторический журнал. 1805. 150 л. // РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 38.

⁵⁶ Рукопись завершается фразой: «Сим кончился наш 1805 год: а вместе с сим дозволюте мне окончить письмо сие и сказать вам что я емь ваш... и прочая» (ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 8. Л. 72 об.).

⁵⁷ Болотов М. П. Андрей Тимофеевич Болотов. С. 749. Последние датированные рукописи Болотова относятся к 1827 году.

⁵⁸ 356-е и 357-е письма в черновике датированы осенью 1824 года (Ч. 6/36. РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 30. Л. 17, 45), в чистовике — октябрём 1825-го (Ч. 6/36. ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 5. Л. 19 об., 51 об.).

⁵⁹ На титуле временем завершения значится 19 ноября 1825 года (Там же. Л. 2), но это дата окончания работы над черновиком. В конце рукописи пометы о времени ее завершения нет.

черновик, т. е. в декабре 1825-го и начале 1826 года, когда возникла пауза в написании черновика 37-й части. С чистовиком же 37-й части (Ч. 7/37. ИРЛИ. Ф. 537. № 6) дело обстоит сложнее. Очевидно, что эта рукопись была написана после декабря 1826 года, когда был закончен черновик данной части. Однако она не имеет ни титульного листа, ни особых помет о времени создания.⁶⁰ Это позволяет сопоставить ее с рукописью воспоминаний о 1805 году и предположить, что работа Болотова над ней затянулась (по объему она оказалась одной из самых больших во всем комплексе его воспоминаний) и так и не была доведена до конца, хотя рукопись и была переплетена в картон как законченная. Утраченные 38–39-я части, вероятно, не имели чистовых вариантов.

Подводя итоги, следует сказать, что деление мемуарного наследия Болотова на чистовики и черновики, утвердившееся со второй половины XIX века и использующееся по сей день, в том числе в архивных описях, справедливо (и то с некоторыми оговорками) только для 36–37-й частей. В остальном оно не соответствует ни функциональному назначению рукописей, представлявших собой полноценные рукописные книги, а не материал для дальнейшей работы, ни авторским определениям этих текстов. В ряде случаев характеристика болотовских рукописей как черновых вариантов воспоминаний лишь отражает недостаточную степень изученности мемуарного наследия Болотова и, в частности, приводит к неверному отождествлению дневниковых записей с воспоминаниями. Предложенное в данной статье распределение этих рукописей, во-первых, по этапам работы Болотова над мемуарами, во-вторых, по принципу «оригинал — копия», на наш взгляд, позволяет как упорядочить общие представления о весьма объемном и неоднородном комплексе его воспоминаний, так и уточнить или по-новому охарактеризовать отдельные рукописи, составляющие этот комплекс. В целом, следует отметить, что «писанные набело» оригиналы воспоминаний, создававшиеся на протяжении длительного времени, на всех этапах работы Болотова над мемуарами (а это, в общей сложности, более чем половина столетия), неодинаковы и по своему заглавию, и по оформлению рукописей, и по почерку, кроме того, в них может встречаться правка. Копии имели «парадный» характер, были написаны на относительно коротком отрезке времени (ок. 1800–1811 годов) и поэтому более однородны. В приведенной ниже таблице мы постарались свести воедино данные о рукописях болотовских мемуаров.

Таблица 3⁶¹

Часть	Годы	Ранний вариант	Черновик	Оригинал	Копия
1	до 1750	Утрачена (до 1782)		ГИМ № 1 (1789)	РНБ № 1 (ок. 1800?)
2	1750–1755	ГИМ № 2 (ок. 1787)		Утрачена (1789)	РНБ № 2 (ок. 1800?)
3	1755–1757			Утрачена (1789)	РНБ № 3 (ок. 1800?)
4	1757			Утрачена (1789)	РНБ № 4 (ок. 1800?)
5	1757–1758			РНБ № 6 (1790)	РНБ № 5 (ок. 1800?)

⁶⁰ Даты написания всех писем совпадают с черновиком. В описи рукопись датирована 1826 годом.

⁶¹ Номер соответствует номеру рукописи в описи фонда указанного архива. В скобках указываются годы написания рукописи, которые представляются верными авторам данной статьи и не во всех случаях соответствуют рукописным пометам самого Болотова (такие даты отмечены курсивом). Полужирным шрифтом выделены рукописи, изданные Семеvским в 1870–1873 годах.

6	1758–1759			ГИМ № 3 (1790)	РНБ № 7 (1801)
7	1759–1760			ГИМ № 4 (1792–1800)	РНБ № 8 (1801)
8	1760–1761			ГИМ № 5 (1800)	РНБ № 9 (1801)
9	1762			Утрачена (1800)	РНБ № 10 (1805)
10	1762–1763			ГИМ № 6 (1801)	РНБ № 11 (1805)
11	1764–1765			ГИМ № 7 (1801)	РНБ № 12 (1805)
12	1766–1769			ГИМ № 8 (1802)	РНБ № 13 (1805)
13	1769–1770			РНБ № 14 (1802–1805)	
14	1770–1771			ИРЛИ № 1 (1807)	РНБ № 15 (1808?)
15	1771–1773			ИРЛИ № 2 (1807–1808)	РНБ № 16 (1809)
16	1773–1774			ИРЛИ № 3 (1808)	РНБ № 17 (1809–1810)
17	1774–1775			ГИМ № 9 (1808–1809)	РНБ № 18 (1810)
18	1775–1777			ГИМ № 10 (1809)	РНБ № 19 (1810)
19	1777–1780			ГИМ № 11 (1809)	РНБ № 20 (1811)
20	1780–1782			ГИМ № 12 (1809)	Утрачена (1811)
21	1782–1784			Утрачена (1809–1810)	РНБ № 21 (1811)
22	1785–1787			РНБ № 22 (1810)	
23	1787–1788			РНБ № 23 (1810)	
24	1788–1789			РНБ № 24 (1810–1811)	
25	1789–1790			РНБ № 25 (1811)	
26	1790			РНБ № 26 (1811)	
27	1791–1792			РНБ № 27 (1812)	
28	1792–1793			РНБ № 28 (1812–1813)	
29	1794–1795			РНБ № 29 (1813–1816)	
30	1796–1799			Утрачены (между 1816–1821)	
1 (31)					
2 (32)					
3 (33)					
4 (34)					

5 (35)	1799–1800			ИРЛИ № 4 (1821–1822)	
6 (36)	1800–1801		РНБ № 30 (1824–1825)	ИРЛИ № 5 (1825–1826?)	
7 (37)	1801–1802		РНБ № 31 (1825–1826)	ИРЛИ № 6 (1827–1829?)	
8 (38)	1802–1804		Утрачены (1826–1829?)		
9 (39)					
40	1805		ИРЛИ № 8 (1829?)		

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-182-198

© М. Э. Баскина (Маликова), © А. В. Волков

ЧТО ЖЕ ПИСАЛ О ПЕРЕВОДАХ ЖИТЕЛЬ ВЫБОРГСКОЙ СТОРОНЫ

Хорошо известно, что написанное в начале 1824 года программное проромантическое предисловие П. А. Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану» А. С. Пушкина озаглавлено «Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова». ¹ В переписке Вяземский именвал его также «Разговором между издателем и классиком с Выборгской стороны», ² как будто подчеркивая значение второго из «жителей»-классиков. Также достоверно известно, что предположение Вяземского: «Какой-то шут Цертелев или Сомов лается на меня в „Благонамеренном“ под именем Жителя Васильевского острова или Выборгской стороны», ³ — наполовину верно: в 1820–1821 годах в «Благонамеренном» под псевдонимом Житель Васильевского острова с нападка на «новую школу словесности» выступал князь Н. А. Цертелев, что, безусловно, подтверждается многочисленными эпистолярными свидетельствами. ⁴ Что касается Жителя Выборгской стороны, которого Вяземский называет в одном ряду с Жителем Васильевского острова / Цертелевым как «классика» (т. е., условно, представителя лагеря, противного «романтикам»), то под этим псевдонимом вышла только одна большая, в трех номерах того же «Благонамеренного» за 1822–1823 годы, статья «О переводах», ⁵ и подлинное имя ее автора до сих пор не названо. Вероятно, на основании процитированного письма Вяземского в комментарии в сборнике «Пушкин в прижизненной критике» статья «О переводах» без оговорок атрибутирована Цертелеву. ⁶ Действительно, отведенное ей место в журнале и реакция Вяземского, обессмертившего Жителя Выборгской стороны в истории русского романтизма, заставляяют предположить в ней программное выступление, в характерном для «Бла-

¹ [Вяземский П. А.]. Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова. Вместо предисловия <к «Бахчисарайскому фонтану»> // «Бахчисарайский фонтан» А. Пушкина. М., 1824. С. I–XX (без подписи).

² Письмо П. А. Вяземского А. И. Тургеневу 17 января 1824 года, см.: Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. СПб., 1899. Т. 3. С. 4.

³ Письмо П. А. Вяземского А. И. Тургеневу 10 сентября 1823 года, см.: Там же. Т. 2. С. 346.

⁴ См.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956. Т. 1. С. 378.

⁵ Благонамеренный. 1822. Ч. 20. № 41. С. 47–64; № 42. С. 81–91; 1823. Ч. 22. № 8. С. 97–109. Далее ссылки на эту статью даются в тексте сокращенно, с указанием части (1, 2, 3) и страницы.

⁶ См. комм. Е. О. Ларионовой к этой статье Вяземского в сб.: Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. СПб., 2001. С. 406–408.